

Мы запомнили вас, батумцы!

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Батумский государственный театр им. И. Чавчавадзе гостил в Москве. Его гастрोल на сцене Кремлевского театра сопутствовал подлинный творческий успех. Московская общественность, пресса, многочисленные зрители с интересом отнеслись к театру из дальнего причерноморского города. На обсуждении гастролей во Всесоюзном театральном обществе, а затем и на товарищеской встрече с театральным общественностью известные всей стране деятели искусства — артисты, режиссеры и критики, нелицеприятно анализируя работу театра, высказывая критические замечания, главным образом говорили о его достоинствах, о той свежести выражения жизненного содержания, который он поразил взыскательных, видавших виды москвичей.

А мне было досадно... Не удивляйтесь, дорогие батумцы, что один из московских критиков, в то время как все остальные радовались успеху вашего театра, почему-то огорчился. Сначала узнайте, почему он досадовал и что его огорчало.

Прежде всего, не подумайте, что я не был доволен успехом батумцев. Поскольку мне довелось быть среди тех, кто настойчиво рекомендовал пригласить Батумский театр в Москву, успех его гастролей в полной мере оправдывал мои усилия. Было чему радоваться! И все же я чувствовал, что Батумский театр на самом деле — я вас в этом уверяю — шире и больше того, что было показано в Москве.

А я могу судить об этом в достаточной мере, зная Батумский театр с 1947 года, когда мой друг Арчил Чхартвишвили осуществил постановки «Царя Эдипа» и «Молодой гвардии» — спектаклей большого дыхания, истинных страстей и правдоподобия чувствования. В те дни я открыл для себя этот скранный, но очаровательный уголок искусств, поспешив поделиться своим открытием с московской общественностью.

Шли годы, Батумский театр, хотя не все было гладко на его пути, рос, мужал и, как это бывает с хорошими театрами, в какой-то счастливый для себя момент оказался вновь молодым, свежим и бодрым, будто и не было за его плечами многолетнего, трудного, а бы сказал, изнурительного сценического пути.

Словом, театр помолодел — я в этом убедился два года назад, когда приезжал в Батуми, чтобы вновь встретиться с ним, а москвичи почувствовали это во время гастролей. Они говорили, что Батумский театр очень молод, и ссылались, прежде всего, на то, что в труппе преобладает молодежь, а главному режиссеру нет и тридцати лет. Но в Москве видели только два спектакля, в которых играет молодая часть коллектива, а я смотрел в Батуми всю труппу — и юных, и пожилых, и старых — и все же не мог отделиться от впечатления, что Батумский театр действительно молод. В самом деле, его искусство отличалось той экспрессией, которая присуща современному поколению. Вот в чем секрет! Даже в старых спектаклях, просуществовавших не один год, а порой и не один десяток лет, как «Царь

Эдип» Софокла, ощущается эта свежесть исполнения.

С большим удовлетворением вспоминаю постановку сценического варианта повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларио», созданную старейшим режиссером Ш. Инасаридзе. Этот гармоничный спектакль отмечен печатью того душевного лиризма, который органично перерастает в гражданскую лирику. Все в нем круто замешано на подлинном юморе, рождающемся не на трюке, а из характеров, освещенных народной лυулавой мудростью.

Молодой задор вносит в этот спектакль отлично играющий Зурико артист Н. Месхидзе. Он искусно, с подкупающей непосредственностью ведет сложную роль, в которой герой то и дело переходит в новое «качество» созревающего характера и живет в двух планах — персонажа и ведущего. Ему удалось едва ли не самое трудное. Его Зурикела — мальчик-непоседа, мальчик-трюте, способный оставаться ребенком, но и быть равным в мужской компании, становиться совсем иным, по-настоящему взрослым в студенческие годы. И при этом как бы остается тем же деревенским паренком, открытым всем течениям жизни.

Ощущение неизбитого молодости вызвал во мне и восторженный «Царь Эдип». Группа исполнителей во главе с Ю. Кобаладзе, слившись с громадной московской, в бурнолименном, но глубоко осмысленном движении по сюжету античной трагедии вполне современно раскрывает высококонтрастную идею о человеке, который не зря там, где царит слепая вера, обманут сам, если пытается обмануть жизнь, стократно подвергается опасности, пытается избежать ее, и побеждает, бесстрашно идя навстречу истине.

Секрет постоянной свежести творчества Батумского театра — в его современности, в соответствии его идеалов и стилистики сегодняшним требованиям и настроениям. Батумский театр избегает самого худшего в сценическом искусстве, — того, что придает творчеству черты архаики, старомодности, чуждости современным вкусам. Я имею в виду провинциализм.

Провинциализм — это не только безвкусица, это и низкий толчок творческого взлета и бедность воображений, наряду с «пышностью» изображения; это и поверхностность мысли. Нет, Батумский театр не провинциален, и это очень импонировало москвичам, больше всего ценящим в искусстве честность намерений и чистоту исполнения.

Эти дорогие качества особенно проявились в спектакле «Святые в аду». Театр уловил принципиальное звучание драматической поэмы Ак. Гегадзе, тот контраст, что выявлен уже в самом ее названии — «Святые в аду», и вслед за автором показал войну необычно, исследуя нравственный потенциал советского человека.

История юных солдат Миряна Коберидзе и Майи Канделики, сохранивших чистой свою любовь в пекле войны, возвышенна и поучительна. Но это, так сказать, результат, возникающий в сознании зрителя после спектакля. Само же течение действия, хорошо органи-

зованное режиссером Т. Абашидзе, удобно спланированного и оформленного художником О. Кочакидзе, А. Словинским и Ю. Чикавадзе, выглядит просто и естественно, без навязчивой дидактики и нарочитой поэтизации. Начиная с первой картины, в которой солдаты, еще не ощутившие титанической и мрачной силы войны, полны народного жизнеощущения, по-грузински общительны, приподняты в настроении, веселы, через ряд драматических эпизодов, увенчанных превосходной патетической картиной навеки уснувших воинов, и кончая песенным финалом, сдержанно, но глубоко восхваляющим целомудрие чувств и красоту любви, — все в спектакле подчинено нравственной идее человечности.

Можно, конечно, заметить, что режиссер, отдавая внимание песне любви, когда-то упускает тему войны. Но мне не хочется ни в чем упрекать чистый, красивый спектакль, доставляющий эстетическое наслаждение и своим строем, и игрой артистов, среди которых хочется особенно выделить Ю. Цанава (Джондо Чедия), А. Танидзе (Мирян Коберидзе) и Л. Карасавили (Майя Канделики).

Не хочется мне критически подходить и к менее целостному спектаклю «Море и любовь». Погрешности драматургической композиции придали искусственности кое-какие сценические ситуации, в частности, замужеству Наны и несостоявшемуся побегу Элгуджи, а иллюстративность в изображении молодежных проблем ослабила идейно-художественное развитие спектакля.

И все же я не склонен слишком критически относиться к этому спектаклю. И не потому, что очень симпатизирую Батумскому театру (я, например, вовсе не принимаю постановку «Мудрость смерти»), — мне кажется, что молодость и современность его труппы сказались и в постановке «Море и любовь», несмотря на погрешности пьесы и спектакля. Сказались, в частности, в стилистике игры актеров, представивших живые фигуры наших современников. Очень приятно, что здесь слились молодые таланты А. Танидзе (Гурам), Т. Глони (Элгуджа), Л. Карасавили (Нана), Н. Саканделидзе (Хатуна), С. Ахаладзе (Илико), М. Шервашидзе (Нугаар) с такими опытными мастерами, как Н. Тетрадзе (Вара), А. Мгеладзе (Серго), Ш. Геджадзе (Леван), Г. Иманшвили (официант).

При всех своих недостатках «Море и любовь», неся в себе локальные приметы, дает немало поучительного молодому батумскому зрителью.

...Не будем подводить итогов — живой организм хорошего театра непрерывен в своем росте и развитии. Скажу только, что и Батумский театр унес из Москвы радостное ощущение творческого успеха и теплоту сердечной дружбы, так ярко проявившейся во время гастролей, и москвичи запечатлели в своей художественной памяти молодой и приятный облик творчески одаренного театрального коллектива, с чеством мощного имени Или Чавчавадзе и с достоинством представившего высокую культуру грузинского народа.

М. ЛЕВИН.